

Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л.

ТРОЯ И "ПРА-АХХИЯВА"

Настоящая работа является продолжением статьи [Прагреки в Трое \(Междисциплинарный аспект\)](#), опубликованной в ВДИ. 1994. № 4.

[I](#) [II](#) [III](#) [IV](#)

В конце предыдущей статьи мы, завершая цепь аргументов, обратили внимание на впечатляющую параллель между картиной распространения в конце III — начале II тыс. до н.э. по Балканскому полуострову прагреческих племен из числа народов так называемой "курганной волны IV" (в воссоздании этой картины мы, в основном, опирались на реконструкцию Н. Хаммонда) и сообщением Геродота (VII.20) о том, как в некие времена всю Фракию и Северную Грецию до ионийского моря и фессалийской реки Пеней заволокли племена "тевкров", т.е. выходцев из Трои. Тогда же мы поставили вопрос: есть ли основание предполагать, что для позднейших греков I тыс. до н.э. их собственные предки, некогда двигавшиеся к историческим балканским местам обитания, могли в преданиях представлять под именем "тевкров" - и как в таком случае можно было бы объяснить подобный казус исторической памяти? На этот вопрос мы намерены ответить в нынешней статье.

I

В I тыс. до н.э. Троя была частью греческого мира, примыкавшей к полосе тянувшихся на юг до Герма эолийских колоний. Эолийцы считались самыми ранними греческими колонистами в Анатолии, приведенными сюда через 60-70 лет после Троянской войны правнуками Агамемнона (Strabo XIII. 1, 3). Происхождение имени Αἰολεῖς темно: попытки его сблизить с αἰόλοι "быстрые"¹⁾ - не более чем народная этимология. Следы называвшегося так народа обнаруживаются в Греции, на юго-востоке Фессалии (St. В., см. Ἄρνη); диалекты последней входят в одну группу с диалектами Эолиды. По Геродоту (VII. 176), фессалийские эолийцы соседствовали и воевали с фокейцами. Эолидой называлась также часть Этолии между Калидоном и Плевроном, куда часть

эолийцев, видимо, проникла в конце II тыс. до н.э., во время великих переселений (Thuc. III. 102; Strabo X.3, 4). Проще всего было бы думать, что название фессалийского племени, принявшего в конце II — начале I тыс. участие в колонизации, в конечном счете было распространено на всю группу греков, занявших земли к северу от Герма и ближайшие острова.

Но итальянский лингвист О. Карруба предложил иное, весьма интересное объяснение этого темного этнонима²: скептически относясь к отождествлению Аххиявы с микенскими ахейцами и исходя из факта соседства владений "человека из Аххии" Аттариссия с Лидией-Арцавой, он предположил отражение негреческого названия малоазийского государства Аххиявы³ в позднейшем имени эолийцев. О. Карруба [14] указывает на то, что в лидийском в ряде случаев исчезает хетто-лувийский ларингал: ср. лид. *āntēt* "он распорядился" при хет-лув. *ḫandai-* "приводить в порядок", лид. *afaris* "документ о продаже" при хет. *ḫapparija-* "продавать", глосса Гесихия *λαίλας* "тиран по-лидийски" при хет. *laḫḫijala-* "герой-воин". Поэтому, за этнонимом *Aiōleîς* < **Aiḫol-* как наименованием народа, соседствующего с лидийцами, он предположил местную, анатолийскую форму вроде *Aia(wa)lis* с лидийским суффиксом притяжательных прилагательных *-ali*. В основе этой формы могло бы лежать название страны *Aiawa, восходящее к более древнему *Aḫḫijawa*. Тогда *Aiawalis* исконно означало бы "живущие на земле Айявы = Аххиявы". В этом случае оказалось бы, согласно Каррубе, что Аххиява находилась не в Греции, а в Малой Азии и охватывала область, в какой-то степени совпадающую с позднейшей Эолидой⁴.

В подкрепление мысли о некой связи между Аххиявой и Эолидой можно было бы сослаться на одно место в "Письме о Тавакалавасе", расцененное Э. Форрером в качестве упоминания об эолийцах. Это кол. I, ст. 11 и сл., где, рассказав о том, как Тавакалавас пренебрег посланным ему навстречу военачальником, хеттский царь затем риторически восклицает: (11)... *LÚTARTENU* (12) *Ú.UL A.NA LUGAL a-ja-ḫa-la-aš ŠU-an-ma-an ḫa[r-ta]*, в понимании Форрера: "(11) ... Полководец (12) не держит руку мою (т.е. не представляет меня должным образом) для царя *aḫawalaš*"⁵. В этом случае *aḫawalaš* необходимо оказывается определением при слове "царь", а именно, названием народа или страны, к правителям которой себя причисляет Тавакалавас. Э. Форрер фонетически безупречно соотнес данный этнический либо географический термин с именем эолийцев⁶. И даже Ф. Зоммер

не смог противопоставить этому толкованию каких-либо серьезных аргументов. Более того, он вполне поддержал мысль Форрера о том, что в хеттской клинописи некоторые этнические обозначения могли выступать безо всяких предварительных детерминативов. На примере много раз встречающегося выражения *ḫurlaš KUR-e* "страна хурритов" при более редком *KUR [URU] ḫurlašša* он убедительно показал, что это может быть связано с таким употреблением этнонима, когда народ не определяется через страну, где он проживает, не выступает как "люди страны такой-то", а носит постоянное собственное имя⁷⁾. Если такое рассуждение правдоподобно, то в *aḫawalaš* следовало бы видеть хеттскую форму родительного падежа на *-aš*, не различающую единственного и множественного числа⁸⁾, а *LUGAL aḫawalaš* переводить как "царь айвалов" или идя за Форрером, "царь золийцев", но ни в коем случае не "царь Эолиды". Правда, Зоммер попытался предложить свое, [15] альтернативное истолкование этого места в качестве полемического противопоставления двух утверждений: "Полководец не является для царя *aḫawalaš*-ом? Он мою руку держит (т.е. представляет меня)!", где *aḫawalaš* обозначало бы тот официальный статус, в котором Тавакалавас отказывает присланному к нему военачальнику. Впрочем, сам Зоммер признавал сомнительность этого объяснения при отсутствии других упоминаний *aḫawalaš* как должности, функции или титула в хеттских текстах. По своей структуре с двойным суффиксом *-ḫa-la* это слово не может быть причислено к хетто-лувийским именам деятелей, оформляемым суффиксами *-tala* или *-ala*⁹⁾, а синтаксически интерпретация Форрера выглядит более связной и естественной.

Итак, предположенная Каррубой под звездочкой гипотетическая форма **Ai(a)wala/is* как диалектное анатолийское название для людей, живущих на земле Аххиявы, точно в таком виде обнаруживается в хеттском тексте при титуловании брата царя Аххиявы. Похоже, что она, в самом деле, относится к народу, а не к стране, ибо Тавакалавас, явно не располагавший собственным царством (поскольку он пытался получить себе вассальное владение от хеттского царя), тем не менее считал себя "царем над *Aiawala*", видимо, в том же смысле, в каком в гомеровской Трое не только Приам, но и его сыновья собирательно именовались "царями троянцев", *Τρώων βασιλεῖς* (II. XX. 84). Однако, хотя догадки Каррубы подтверждаются, ставится ли этим под сомнение тождество Аххиявы XV—XIII вв. до н.э. с Микенской Грецией и всем регионом, на который распространялось ее влияние? Думается, весь материал, рассмотренный нами до сих пор, совершенно

не позволяет отказаться от данного отождествления. Кроме того, если считать, что греки взяли себе имя эолийцев, только поселившись в конце II или начале I тыс. до н.э. на малоазийской земле рядом с лидийцами, то мы не сможем объяснить присутствия племени эолийцев в Фессалии и Этолии. Значит, нам придется пересмотреть взгляды на происхождение имени ахейцев и эолийцев и на соотношение этих этнонимов с анатолийским названием Аххиявы.

С мыслью, будто бы греки могли называть свою страну Ἀχαΐα, словом, соответствующим хеттскому топониму Aḫḫijawa¹⁰, дело обстоит не так просто, как это кажется на первый взгляд. В греческом мире данная основа всегда изначально представляет название народа, а не топоним. Лишь вторично при помощи различных суффиксов от этого этнонима образуются географические названия. Таково гом. Ἀχαΐς (II.III, 75) как определение для всей Ахейской Греции, а также топонимы Ἀχαΐη, Ἀχαΐα, в стяженной форме Ἀχαΐα, раскиданные по периферии владений микенских греков: на Родосе, Эвбее, Крите (см. в кносском тексте линейного письма В KN C 914 a-ka-wi-ja-de = Akhaiwijande "в Ахайвию"). Все эти топонимы означают "ахейские поселения" или "ахейская земля". Этнокон здесь так же первичен, как в наименовании порта на Кипре "Берег ахейцев" (Ἀχαΐων ακτή), связывавшемся с приходом изгнанного с Саламина ахейца Тевкра, или в обозначении Ахеи на северо-западе Пелопоннеса, ставшей одним из прибежищ микенских греков в пору крушения их столиц. Подобные осколки Микенской Греции не проливают никакого света на внутреннюю структуру термина "ахейцы".

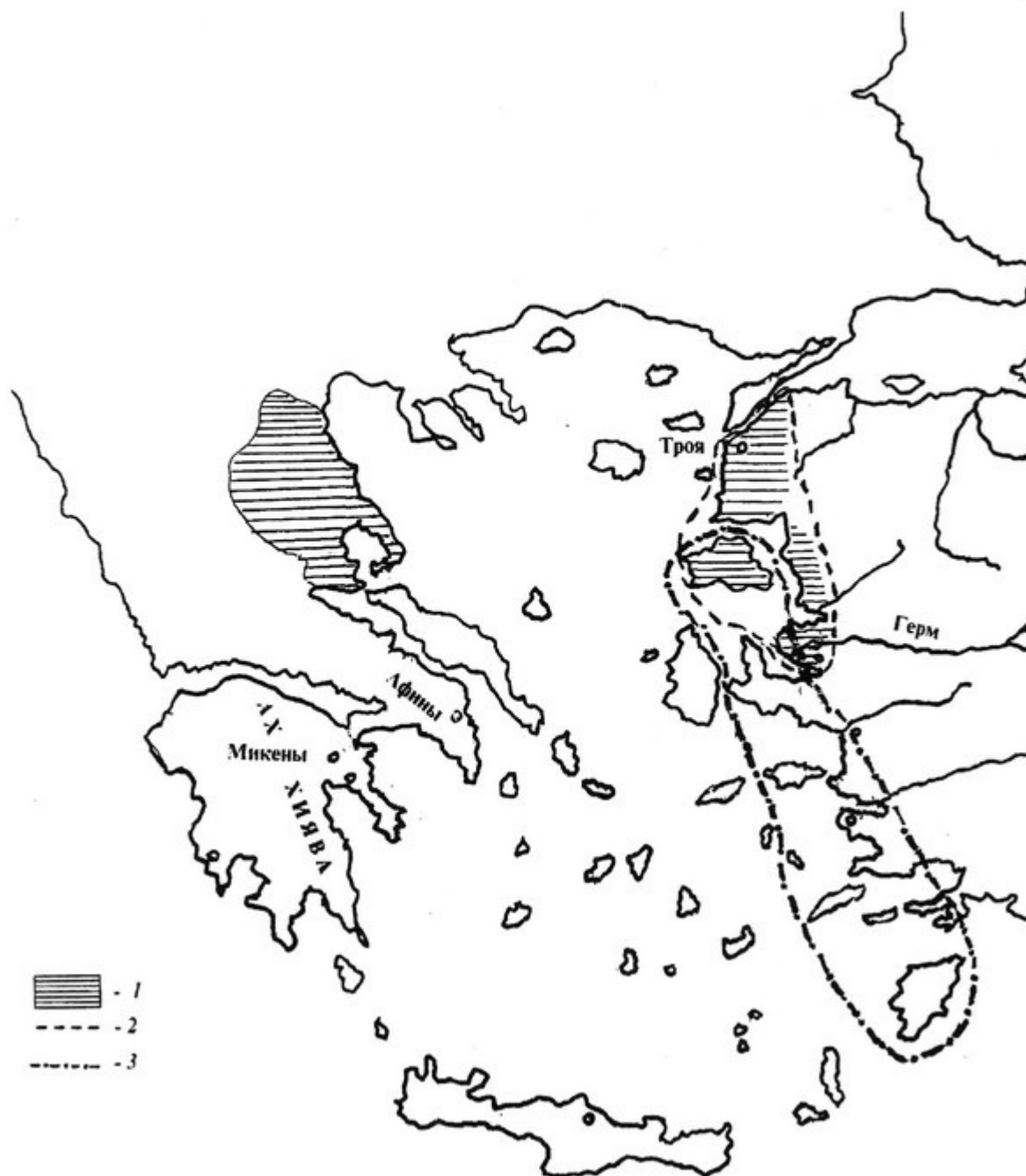
Особое место среди созвучных названий занимает топоним "Ахайя" или "Ахейская Фтиотида" как наименование юго-западной части Фессалии (Herod. VII. 196; Strabo XI.2.12). В этих местах топоним явно независим от микенского влияния. Напротив, в соответствии с общей картиной движения греческих племен с севера на юг следует думать, что в Фессалии поселения ахейцев древнее, чем на Пелопоннесе. Не случайно только здесь сохранился в I тыс. до н.э. такой реликт ахейской речи, как родительный падеж на -οιο (во Фтиотиде часто в варианте -οι), утвердившийся в микенском койне, а также, в качестве одного из вариантов, в языке эпоса¹¹. Следы племенных имен [16] ахейцев и эолийцев обнаруживаются в Греции на очень близких территориях Южной Фессалии, как бы в подтверждение принадлежности их носителей к одной раннегреческой общности. Напомним, что до дешифровки линейного письма В многие ученые считали ахейцев —

создателей микенской культуры как раз эолийцами¹²⁾, а эолийские диалекты часто относились к "ахейской" ветви¹³⁾. После дешифровки этой письменности в микенском койне — канцелярском языке Ахейской Греции обнаружены многочисленные эолийские черты, наряду с иными, объясняемыми ионийским или, скорее, аркадо-кипрским вкладом¹⁴⁾. Все эти факты говорят об исторической неразрывности имен эолийцев и ахейцев, по-видимому, первоначально двух племенных групп в составе той волны, по Н. Хаммонду, праэолийской, которая на переходе от Ранней к Средней бронзе двинулась из Западной Македонии через Фессалию и Среднюю Грецию на Пелопоннес.

И все равно, термин "ахейцы" остается загадкой. Бросается в глаза его нехарактерность в структурном плане для греческого ономастикона. Хотя в греческом языке известен ряд прилагательных с тем же суффиксом -υο-, который, вероятно, представлен и в Ἀχαίῳ¹⁵⁾, но в этнических именах он практически не встречается. Немногие включающие этот суффикс топонимы, вроде Λυκῶα < *Lukuwa, на поверку часто оказываются субстратными или адстратными хетто-лувийскими вкраплениями на Балканах¹⁶⁾. Более того, сам этот суффикс в имени ахейцев вычленяется лишь по общим соображениям, ибо на греческой почве данный этноним неделим и непрозрачен. Все же попытки объяснить его, выходя за пределы греческого языка, сугубо гипотетичны: будь то сопоставление с названием германского племени *Ingaevones*¹⁷⁾ или же в качестве иранского заимствования либо исконно родственной формы с авест. *haxau-* "друг, спутник"¹⁸⁾. Тем больше трудностей заключает в себе объяснение формы *Aḥḥija* в тексте о Маддуваттасе (XV в. до н.э.) как передачи этого фактически нечленимого греческого этнонима с исходом на -υο-.

Напротив, для Анатолии соотношение форм *Aḥḥijā*: *Aḥḥijawā*/*Aḥḥijuwa* представляет совершенно закономерную ономастическую модель, документированную многими примерами: ср. *Naššu* — название горы в области Киццуватна, но *Naššuwa* — обозначение прилегающей страны, точно так же *Išhara* — гора, но *Išharuwa* — город, кроме того, топонимические дубликеты *Ankulla*: *Ankulluwa*, *Hišarla* : *Hišarluwa*, *Zalpa* : *Zalpuwa*¹⁹⁾. Сторонники теории "малоазийской Аххиявы" с полным правом могут утверждать, что словообразовательные отношения между вариантами этого названия типичны для малоазийской, а не для греческой

топонимы. Но ведь точно также не укладывается в нормальные греческие модели и имя ахейцев. [17]

Карта-схема. 1 – Эолийские диалекты, 2 – Пра-Аххиява, 3 – малоазийская зона владений Аххиявы.

Мы считаем, что все эти факты лучше всего могут быть объяснены, если предположить, что формы *Aḥḥijā* и *Aḥḥijawa/Aḥḥijuwa* до прихода греков изначально представляли название области, находившейся на северо-западе Анатолии. Если установить ее границы в малоазийских координатах, то это по вертикали пространство от южных пределов Троады до долины Меандра, а по

горизонталю в глубь Анатолии на восток примерно до Бейджесултана (см. карту). В нашей реконструкции эта область совпадает с зоной распространения "инегельской" серой керамики, о которой пишет Д. Френч, т.е. это исторические Мисия и Эолида.

В связи с этим чрезвычайно важным для нашего построения предположением может показаться, будто в данном месте мы противоречим тому, что сами писали несколько лет назад²⁰, тогда отрицая правомерность отождествления Аххиявы с какой-либо областью Малой Азии, а здесь, казалось бы, утверждая прямо [18] противоположное. Но напомним, что в указанной статье речь шла о событиях XIII вв. до н.э. Думается, сейчас можно считать уже доказанным, что для этого времени Аххиява — это Ахейская Греция и ее западно-анатолийские колонии²¹. Здесь же мы занимаемся совсем иным временем, гораздо более ранним — концом III тыс. до н.э. Нас интересует одно: где ахейцы, позднее пришедшие в Грецию, могли получить свое наименование. И для этого времени (конец Ранней бронзы) мы не видим ничего невероятного в допущении, что некая часть прагреков, вторгшаяся в Северо-Западную Анатолию под 2300 г. до н.э. или позднее и продвинувшаяся к югу от Трои в сторону Герма и Меандра, могла заселить здесь местность, носящую анатолийское название *Aḥḥijawā*, и принять это название в качестве наименования своего этноса. (Тут прямой параллелью может быть усвоение индоевропейскими племенами также в Анатолии этнонима *Hatti* от доиндоевропейского населения страны, носившей данное название.) Поэтому обсуждать формальную возможность соответствия Ἀχαιῶι = *Aḥḥijawā* следует, не отталкиваясь от передачи анатолийцами греческого этнонима, но скорее исходя из возможной адаптации греками малоазийского местного названия. В этом случае метатеза, давшая Ἀχαιῶι вместо **Akhjawoi*, может объясняться стремлением греков избежать обязательного в исторический период в такой позиции развития *i* в полугласный *i* и последующей палатализации $\chi i > \sigma$ (как ταρασσω "возбуждать" при ταραχή "волнение"), ибо такие изменения должны были до неузнаваемости деформировать поддерживаемое анатолийским соответствием традиционное имя племени. Можно думать, что в лидийских диалектах типа того, где *lahḥijalaš* давало λαίλας, для обозначения жителей страны *Aḥḥijawā* издревле существовала форма **Aiawales* < **Aḥḥijawales*. Это имя и получили из уст части пралидийцев утвердившиеся в Аххияве в конце III тыс. до н.э. прагреки. Более того, какая-то их, вероятно, самая южная группа,

пребывавшая в тесных контактах с пралидийцами, переняла как раз у последних это имя и стала употреблять его как самоназвание. Так на земле "Пра-Аххиявы" оформились две близкородственные племенные группы прагреков, называемые в исторический период соответственно "ахейцами" и "эолийцами". Когда через некоторое время, может быть, как полагает Меллаарт, под давлением соседних народов наметился отход части малоазийских прагреков на юг Балканского полуострова, где они влились в поток двигавшихся со стороны Подунавья в Грецию носителей курганной культуры IV (предположительно "нашествие тевкров" по Геродоту, "поход Ила" по Ликофрону), с собой они взяли оба варианта — имена как ахейцев, так и эолийцев, пронеся их в Фессалию и дальше на юг.

Спрашивается, соответствует ли предполагаемому выпадению на некоторое время праэолийцев из массива прагреческих этносов какая-то лингвистическая реальность? Место эолийской группы среди других раннегреческих диалектов, как известно, вызывает у специалистов серьезные споры. С одной стороны, в эолийских диалектах Фессалии и Беотии глагол имеет окончание 3-го лица ед. числа -τι (φᾱτί - "он говорит"), подобно дорийским формам, тогда как в ионийских и аркадо-кипрских диалектах, в микенском койне и, вероятно, под ионийским влиянием в эолийском лесбосском обнаруживается окончание -σι (φᾱσί, мик. *pa-si* и т.д.). По данному и некоторым другим признакам ряд ученых постулирует для Греции во II тыс. до н.э. единую "северную" диалектную общность, будто бы лишь со временем разделившуюся на дорийскую и эолийскую ветвь²². Но этой гипотезе противоречит наличие в дорийском целого ряда древних индоевропейских образований, не имеющих в эолийском аналогов: в глаголе 1-е лицо мн. числа на -μεϛ, будущее время с суффиксом [19] **-sejo-*, типа δωσέω, ср. лит. *duósiu*. Еще важнее то, что эолийский располагает одной фундаментальной чертой, отделяющей его от всех других греческих диалектов: в нем лабиовелярные перед *e, i* отражаются обычно в виде губных (φῆρ "зверь" < **g^hher-*, πέντε "пять" < **penk^he*), тогда как в ионийских и дорийских в этой позиции находим зубные (θηρ, πέντε), развившиеся из смягченных заднеязычных или аффрикат. Последние до середины I тыс. до н.э. сохранялись в аркадских надписях, а в кипрском могли давать не зубной, а спирант: *si-se* "кто" < **k^his*²³. По этому признаку И.М. Тронский предположил исключительно раннее отделение праэолийского от всех других прагреческих диалектов и сохранение в нем сочетаний типа *k^he* в ту пору, когда прочие диалекты уже их преобразовали в *k'e* или *če*. Это означало бы, что

микенское койне, где имеются особые знаки *qe, qi*, хотя и разделено с ионийскими и аркадо-кипрским глагольное окончание *-si*, но в трактовке лабиовелярных следовало эолийской фонетике²⁴). Нами недавно было установлено, что примеры на развитие лабиовелярных в зубные есть и в древнемакедонском (ср. цитированное $\tau\epsilon\lambda\epsilon\sigma\acute{\iota}\alpha\varsigma < *k^w elesia$ "круговой танец" и т.д.). Следовательно, выделение праэолийского необходимо предполагать еще для времени тесной близости прагреков и прамакедонцев, т.е. для последних веков III тыс. до н.э.²⁵)

Итак, получается следующая картина. Приблизительно около 2300 г. до н.э. прагреки, прамакедонцы, прафрагийцы движутся со стороны Подунавья из западных областей Северного Причерноморья в Северо-Западную Грецию и на юг Дардании в числе народов "курганной волны IV". Какая-то часть прагреков, достигнув Пропонтиды, отклоняется от общего пути, переходит проливы и, пользуясь временным ослаблением Трои в периоды Трои III–IV, пытается освоить данный регион. Диалект этой группы (праэолийцы) не разделяет смягчения лабиовелярных перед узкими гласными, происходящего в прагреческих и прамакедонских диалектах по другую сторону проливов. В то время как праэолийцы задерживаются в Малой Азии, прааркадо-киприоты, напротив, вырываются вперед и проникают на рубеже раннебронзового периода III на самый юг Греции, обособившись от оставшихся на севере праионийцев и прадорийцев. Таким образом, в праэолийском перед *e, i* сохраняются лабиовелярные, в прааркадо-кипрском — аффрикаты как следующий этап развития, а в праионийском и прадорийском процесс доходит до конца: возникают зубные смычные. В дальнейшем праэолийцы, отступившие из Анатолии на Балканы и вторгнувшиеся в Македонию и Фессалию, оказываются в тесной региональной близости с осевшими в Эпире прадорийцами. Тогда праионийцы, согласно Хаммонду, уже достигают Ионийского моря и по его водам перебираются на Пелопоннес и в Аттику, вступая в контакт с прааркадо-киприотами. Поэтому эолийцы в Фессалии вместе с дорийцами и не воспринимают происшедшего в южной группе развития глагольного окончания *-ti > -si*, хотя немного позже утвердившиеся на Пелопоннесе эолийцы-ахейцы столь же легко переняли этот последний вариант окончания в свой письменный язык, как в I тыс. до н.э. эолийцы Лесбоса.

Наша мысль об изначальной, доисторической Аххияве на северо-западе Анатолии близка к концепции Ф. Хоуинка тен Кате²⁶). Но с этим ученым мы расходимся в двух пунктах. Во-первых, Ф. Хоуинк тен Кате трактует малоазийских "аххиявцев" просто как отколовшуюся ветвь уже выступивших под этим именем греков-ахейцев. Мы же допускаем анатолийское происхождение самого имени Ἀχχαιοί как продолжения анатол. *Aḫḫijawā*, и эта "Пра-Аххиява" к югу от Трояды нам представляется областью, где греки впервые стали называть себя ахейцами, откуда они перенесли [20] это имя в Грецию. (Таким образом, мы принимаем для этой части прагреков модель Меллаарта, тогда как Хоуинк ближе к Блегену.) Во-вторых, вопреки Каррубе и Хоуинку, мы не видим никакой возможности для существования в XV в. до н.э. и позднее независимого государства Аххиявы на территориях, которые тогда должны были быть разделены между странами Арцавы, особенно страной реки Сеха и лежащей к северу от них Вилусой.

Однако принятие этимологии Каррубы для этнонима эолийцев (см. выше), на наш взгляд и вопреки этому ученому, вовсе не противоречит давним попыткам А. Фика, с которым полемизирует Карруба, сблизить Αιολεῖς с топонимом Αἶα в Фессалии, приводимым Стефаном Византийским (s.v.) со ссылкой на место из неизвестной трагедии Софокла, где упоминается τῆς Αἶα Θεσσαλῶν παγκληρία "некая Аяа, достояние всех фессалийцев". Подобный контекст позволяет видеть в термине "Аяа" своего рода дублетное обозначение Фессалии — исконного ареала ахейских и эолийских племен в греческой метрополии. Правомерно предположить, что эта топонимическая форма этимологически тождественна темному по происхождению апеллативу αἶα "земля, страна". Основа этой апеллативной и топонимической лексемы реконструируется в виде **Aiwa-*, как показывает микенское отражение ряда древних ее производных, например, Αἶας, -ντος "Аякс" = мик. KN C 973 *a3-wa* - кличка быка, Αἶητης "Ээт" = мик. KN Vc 7612 *a3wa-ta*, ср. KN As 1516 *a3-wa-to*; Αἶα "Ээя" = мик. PY En 74, Eo 16 *a3-wa-ja*²⁷). Вполне правдоподобно, что **Aiwa* как термин для "страны, земли", более узко для региона Фессалии или для этой области в целом может восходить к анат. *Aḫḫijawa* — наименованию ахейской и эолийской прародины до переселения соответствующих племен в Фессалию из Западной Анатолии. Соотношение форм *Aḫḫijawa* : **Aiwa-* вполне тождественно случаю с хет. *lahḫijalas* : лид. λαῖλας.

Не исключено, что самое знаменитое из мифологических имен, отразивших эту основу, - Αἴας, -втос, в этрусской передаче *Aivas* (< **Aiwant-*), собственно "человек из Аи" (ср. титулование Аякса в II. III. 226 Ἀχαιὸς ἀνὴρ, приложимое кроме него в "Илиаде" только к Агамемнону²⁸⁾) возникло еще в добалканский, малоазийский период ранней истории праахейцев и праэолийцев. На то может указывать контекст, которым греческая мифология окружает образы обоих Аяксов. Если Аякс Теламонид имеет в качестве сводного брата и соратника Тевкра, т.е. "Троянца" по самому имени, то отец Аякса Оилада, согласно фр. 116 Гесиода, был зачат в один день с началом строительства Илиона, и имя его, собственно, значит "Со-Илеец". Можно думать, что в объединении Аяксов то с Тевкром, то с Оилеем — как братьев или как отца с сыном — преломилось древнее вхождение Илиона в один ареал расселения прагреков в Северо-Западной Анатолии с областью Аххиявы-Айвы, от которой образовано мифо-героическое имя Аякса. Здесь могут проступать фрагменты добалканских родовых сказаний части прагреков.

Кроме того, мы располагаем еще одним свидетельством традиции в пользу того, что эолийская колонизация конца II тыс. до н.э. охватила те самые земли, где намного раньше существовала "Пра-Аххиява", она же "Пра-Эолида". В "Илиаде" (XXIV. 544) Лесбос фигурирует как Μάκαρος ἔδος "обиталище Макара" или Макарея — "Блаженного", героя, который считался сыном Эола, родоначальника всех эолийских племен (Hom. hymn. I.37). По одной мифо-легендарной версии, Макар явился на Лесбос с Родоса (Diod. V.56). По второй же, он пришел сюда из пелопонесской Ахайи, сразу после Девкалионова потопа, когда греки еще не освоили Киклад, и сыновья Макара колонизовали первыми Хиос, Самос, Кос, Родос (Diod. V.81). Так, традиция прямо говорит, что родовое имя эолийцев должно было бытовать в будущих эолийских краях задолго до колонизации конца II тыс. до н.э. Но интересно и другое. Традиция о приходе Макара с Родоса явно выводит его из региона, входившего в XVI—XIII [21] вв. до н.э. в малоазийскую сферу преимущественного доминирования исторической *Аххиявы*, Ахейской Греции. И если Родос и не совпадает с Аххиявой, то во всяком случае он был одним из центров, откуда по Анатолии распространялось ахейское влияние. Другая же версия выводит Макара из далекой области на северозападной окраине Пелопоннеса лишь потому, что та звалась *Ахайей*. В обоих случаях миф представляет "сына Эола" пришельцем на Лесбос из *Ахайи* или *Аххиявы*, хотя под этим названием понимались, в зависимости от исторических обстоятельств,

разные места. Изложенное позволяет допустить, что изначально предание о прародителе Макаре и его первичной Эолиде подразумевало под "Ахайей" или "Аххиявой" край, отделенный от Лесбоса лишь узкой полосой моря, где на рубеже III—II тыс. до н.э. прагреки могли впервые обрести имена "ахейцев" и "эолийцев".

Тем не менее, мы думаем, что связь между пелопонесскими ахейцами-эолийцами и областью "Пра-Аххиявы" не исчезала до конца и в те столетия, которыми отделяется отход праэолийцев в Грецию от начала исторической микенской колонизации в Анатолии. Эта связь поддерживалась ранними торговыми отношениями с Троей, труднообъяснимыми, если не предполагать тесного знакомства греков с этим городом в среднеэлладские времена, когда области Анатолии к югу от Гебра, сфера их позднейшей колонизации, для них были в основном "землей неведомой". Следует иметь в виду и вероятность переселения в Ахейскую Грецию уроженцев "Пра-Аххиявы", поглощенной соседними династиями — вспомним рассказ об изгнании Пелопса Илом, возможно отражающий поглощение Илионом-Вилусой части земель "Пра-Аххиявы". Не исключено, что специфический стиль жизни микенской эпохи, характеризующийся широким кругозором, налаженными связями с Анатолией, Критом, Египтом и Ближним Востоком, мог быть в значительной мере создан не тем контингентом эолийцев, которые пришли из Македонии, а "свежими" представителями малоазийских *айавала*, подобных Пелопидам. Всеми этими факторами подготавливалось начинающееся с XV в. до н.э. прямое вторжение ахейских правителей в Западную Анатолию, где они в обоснование своих прав на здешние территории могли с гордостью выставлять себя малоазийскими уроженцами: "асиями", "людьми страны Аххия", "царями над народом айавала". Вступая на эту землю, ахейские вожди вроде Атрисия-Атрея с его двумя именами-эквивалентами — греческим и анатолийским — могли сознательно назвать себя древним малоазийским именем Аххии-Аххиявы.

Нам представляется достаточно логичным предположение о неразрывной связи освоения эолийской области "потомками Агамемнона" с памятью о Троянском походе, прочертившем для греков направление этой последующей не то экспансии, не то бегства. С другой стороны, насколько сама идея Троянской войны могла быть навеяна памятью о родовых корнях потомков Атрея в областях, прилегающих к Троаде! Если бы попытаться в ускоренном темпе обозреть

полуторатысячелетнюю историю этого региона, скажем, с XXIII до VIII в. до н.э., то не исключено, что расцветающие под конец этого промежутка эолийские колонии своей конфигурацией могут замечательно напомнить раскинувшиеся здесь некогда владения эолийских предков — ахейцев и айавалов. В преданиях об эолийской колонизации внимательного читателя не может не поразить один момент: путь, по которому, как предполагалось, прошли будущие колонисты. По Страбону (XIII. 1.3), на этот путь понадобилась жизнь трех поколений, ибо они по суше, двигаясь с Пелопоннеса на север через всю Грецию, достигли побережья Фракии, чтобы уже оттуда, через остров Кизик в Пропонтиде переправиться в Трояду, а уже из нее — на Лесбос. Спрашивается, что это за странная, отнявшая 60 с лишним лет дорога, тогда как до Трояды и Лесбоса можно было доплыть из Греции за считанные дни, как и поступали воинства Геракла и Агамемнона? Случайно или нет, но традиция приписала ахейцам-изгнанникам, по нашей гипотезе восстановившим греческую Эолиду, маршрут, едва не точно повторяющий в обратном порядке тот, которым — через Фессалию, Эгейскую Фракию и проливы — почти тысячелетием раньше могли прийти их предки. [22]

II

Переходя к вопросу о том, почему приход прагреков на север Греции предстал в легенде в странной форме "нашествия тевкров", имеет смысл сперва разобраться один пример, показывающий, на какой стадии этноязыкового становления могли находиться прагреческие племена к тому времени, когда они должны были достичь Трояды и соседних с ней областей Фракии. Сохраненное эпосом древнейшее название греков *данайцы* (Δαναοί) на самом деле имеет прямые параллели в индоиранском мире. П. Кречмер убедительно отождествил данный этноним по форме с авест. *Dānava*, наименованием какого-то приречного кочевого племени, вед. *Danava*, названием группы демонов. Все эти индоиранские образования связаны с авест. *dānu* "река", осет. *don* то же, др.-инд. *dānu* "капля, роса, жидкость". Та же самая основа отражена в иранских по происхождению названиях крупных рек юга России — Дона, Днепра, Днестра²⁹⁾. В "Авесте" гидронимом *Дану* обозначена Сырдарья, а именем *данавов* — сырдарьинские скифы, которых можно видеть и в демонизированных данавах "Ригведы"³⁰⁾. К иранским формам присоединяются кельтские: *Danuvius* как название Дуная, фракийского Истра, откуда через посредство гот. *Dōnawī* происходит слав.

*Dunajь*³¹); кимр. *Donnu*, а также речное название *Don* в ряде мест Англии < **Danuċja*³²).

Ирано-кельтское соответствие может быть истолковано двояко. Кречмер (в указанной статье) считал значение основы *danu*- "река" чисто иранским. Отмечая, что такая лексема в кельтских языках не засвидетельствована, он полагал данный гидроним заимствованным кельтами у иранцев в Подунавье, откуда, по его мысли, шло расселение кельтов по Европе. В этом случае название Дуная могло бы рассматриваться в качестве крайне западного предела распространения раннеиранской гидронимики в Причерноморье, прочие же европейские гидронимы отражали бы перенос кельтами этого названия на все новые реки, встречавшиеся на их пути. Другие авторы считают **danu*- древней общеиндоевропейской основой³³). Нельзя не видеть, что охватываемое гидронимами с элементом **Danu*- пространство от Дона до Дуная четко совпадает с регионом, где, по мнению большинства исследователей, должны были обитать носители праиндоевропейских диалектов до начала своего движения на восток — в Среднюю Азию (ср. *Danu* как вероятное название Сырдарьи) и на запад, в Центральную и Западную Европу (см. отражения основы *Danuċi* в кельтских областях). Любопытно, что в дако-мисийском, т.е. крайне северном районе Фракии, непосредственно прилегающем к Дунаю, зафиксированы местные названия с элементом -δανος, -δανα. Особенно прозрачно Δανε-δεβα³⁴), которое легко толкуется как **Danu-dhēuā* "поселение на (реке) Дану" или просто "поселение на реке". Это свидетельство очень важно, так как вместе с кельт. *Danuvius* мисийские названия подтверждают архаичный характер реликтов основы *Danu*- в Подунавье.

В любом случае индоиранское происхождение греч. Δαναοί несомненно из-за полного формального тождества этого этнонима наименованиям приречных народов в индоиранских языках, с типичным для последних и невозможным в греческом аблаутом *dānu*- : *Dānava*. Напрашивается мысль об участии в движении прагреческих племен в [23] конце III тыс. до н.э. одного этноса или целой их группы, усвоивших индоиранское название. Скорее всего оно объясняется, как и в случае с сырдарьинскими скифами, проживанием называемого так народа на какой-то из рек, в обозначении которых представлена основа **Danu*, на стыке прагреческого и праиндоиранского ареалов (такой рекой не обязательно должен

быть Дон, как это иногда предполагается³⁵⁾). Это название определенно указывает на приход прагреков со стороны причерноморских степей, из региона "между Доном и Дунаем" в числе народов "курганной волны IV". В свете этих выводов оказывается отчасти разрешима и загадка таинственных *дануна* на юге Малой Азии. М. Гимбутас пишет о волне разрушений, прослеживаемых в конце ранней бронзы в прибрежных районах Сирии и Палестины, о появлении вблизи Иерихона и в Баб-эль-Дра курганных захоронений. По ее мнению, какая-то часть представителей "курганной волны IV" могла сюда проникнуть из Эгеиды, двигаясь вдоль южного побережья Малой Азии³⁶⁾. Поэтому в *дануна* можно видеть некое изначально индоевропейское племя, происходящее из того же причерноморского ареала, что и греки-данайцы и одновременно с ними проникшее в Эгейский бассейн. Ничего более конкретного о носителях этого имени, осевших в будущей Киликии, сказать невозможно.

К югу от Дуная гидронимическая основа **Danu-* наглядно обнаруживается в трех очень знаменательных примерах, представляющих варианты одного и того же композита: это название реки Ἀπί-δανός вариант Ἠπί-δανός в Фессалии (Herod. VII. 129. 196; Strabo VIII. 3.32; IX. 5.6), точно такой же гидроним в Троаде и вариант Ἀπί-δών на Пелопоннесе (St. B. см. Ἀπία). О троянском Апидане известно лишь, что он впадал в "западное", т.е., вероятно, Эгейское море. Фессалийский же Апидан брал исток в Ахейской Фтиотиде и тек к северу на слияние с Пенеем, соединяя места, которых, по легенде, достигло нашествие "троянских тевкров", с теми, где раньше всего в Греции появляется реальное имя ахейцев. Для этого композита восстанавливается праформа **Apa-danu-*, в которой оба элемента значат "вода, река, течение"³⁷⁾. Независимое возникновение такого оригинального образования в Трое, Фессалии и Аркадии маловероятно. При интерпретации его генезиса следует иметь в виду три обстоятельства. Во-первых, сближение лексем *ap(a)* и *danu* в различных вариантах хорошо прослеживается в ведийских текстах. Например, в Ригведе (V. 31.6) *apō...dānucitrāḥ* "воды... блещущие жидкостью" (вин. падеж); (V. 68.5) *rītyāpeṣās pātī dānumatyāḥ* (о Митре и Варуне) "владыки мощи проточных вод (*rītyāpa-*), струящих жидкость" (*dānumatyāḥ*); или (1.51.4): *tvām apām apidhānāvriṇor apādhārayaḥ pārvate dānumad vāsu* "ты вод темницы отворил, ты на горе овладел богатством, блещущим жидкостью"; здесь "богатство, блещущее жидкостью" (*dānumad vāsu*) — явно перифрастическое наименование для "воды" (*āpaḥ*). Таким образом,

прослеживаемое от Троицы до Аркадии образование **Apa-danu* (букв. "ток вод") представляет исключительное цельноформульное соответствие к словосочетаниям, зафиксированным в индоарийских текстах (вспомним об индоиранских аналогах к троянскому и македонскому имени "Кассандр, -а"). Во-вторых, производное от названия аркадского Апидана общее наименование пелопоннесских греков, особенно аркадян Ἀπίδωνες или Ἀπίδωνῆες (Strabo VIII.6.9, St. B. *ibid.*), где элемент -δωνῆες < **danāues* явно представляет след древней основы на -u- - фактически синонимично и родственно форме Δανᾶφοί, самоназванию, принесенному прагреками из Причерноморья. В-третьих, распространение в Эгеиде продолжений этого композита находится в четкой корреляции с появлением топонимов от основы *Uilu-/*Uiljo-. В обоих случаях мы видим параллельные изоглоссы, соединяющие Троицу с Фессалией и Пелопоннесом. [24]

Мы считаем, что появление в Фессалии гидронима "Апидан", а в Аркадии — "Апидон" связано с проникновением на Балканский полуостров тех же этносов, которые именовали себя "данайцами", имея в прошлом эпоху тесных контактов с праиндоиранцами "между Доном и Дунаем". Название же Апидана в Троице и определенная увязка между этим гидронимом и "илейской" топонимикой в Греции, соединение в один пучок на Фессалийской земле названий Ахайи, Илиона и Апидана, примыкание этой территории к региону, охваченному, по Геродоту, "нашествием тевкров" - все заставляет отождествлять эти мифоисторические племена с теми же прагреческими этносами (праахейцами, празолийцами), которые по пути в Грецию прошли через Троицу. Из Причерноморья они несли с собой имя "данайцев". После пребывания на северо-западе Анатолии, в память о стране Аххия-Аххиява, они стали "ахейцами". Обжив Аргос в долине Пеней, впервые обрели прозвище "аргивян" (в дальнейшем они унесли на Пелопоннес название Аргоса — на юге появился Ахейский Аргос в отличие от северного, Пеласгического). Три имени для греко-ахейского воинства в "Илиаде" отразили три этапа этногенеза греков: причерноморский, троянско-пропонтийский и фессало-македонский; из них лишь последний запечатлелся в традиции народа. Так мы подходим к осмыслению термина "тевкры" в геродотовском рассказе: текры легенды реально, как нам представляется, — это прагреческие племена, еще недавно оторвавшиеся от греко-индоиранской общности, этносы, еще не ставшие историческими греками.

III

Смысл легенды о "нашествии тевкров" прояснится еще более, если мы учтем, что после утраты прямых контактов с праиндоиранцами прагреки двигались в сторону Греции, судя по лингвистическим данным, не одни, но в окружении других народов, чьи диалекты должны были обнаруживать тесную близость к прагреческим. Отношение потомков этих племен к Трое даст нам ценный материал для уяснения тех связей, которые установились между этой племенной языковой общностью, вероятно, во второй половине III тыс. до н.э. протянувшейся по берегам Эгейской Фракии³⁸⁾, и древним уже к тому времени городом над Геллеспонтом. Первыми среди этих сородичей прагреков, конечно, были прамакедонцы³⁹⁾ (о специфических троянско-македонских изоглоссах мы уже писали в предыдущей статье). Вторым близкородственным прагрекам народом, вместе с ними пришедшим на эгейские берега, были прафригийцы, откуда и проистекает необходимость коснуться в этой статье проблемы фригийцев Трояды.

Бытовавший в прошлом термин "фрако-фригийские диалекты", предполагавший какую-то особую лингвистическую близость между фракийцами и фригийцами⁴⁰⁾, в свете достижений современной фракологии, а также исследований последних десятилетий по фригийским надписям⁴¹⁾, особенно после безупречного издания старофригийских памятников⁴²⁾, выглядит явным анахронизмом. Между этими языками не видно никаких особых точек соприкосновения⁴³⁾. Термин "фрако-фригийские племена", "фрако-фригийская миграция" сейчас позволительно применять только для характеристики племенного состава той миграционной волны, которая в XII в. до н.э. обрушилась на [25] Анатолию с запада и, сокрушив Хеттское царство, докатилась до Евфрата. Ассирийцы ее обозначали как "мушки", собственно, "мисийцы"⁴⁴⁾. В этом смысле "фрако-фригийцы" звучит примерно так же, как "татаро-монголы".

Правильные координаты фригийского в системе индоевропейских диалектов задает донесенная Геродотом (VII. 73) македонская традиция о фригийцах, долгое время известных под именем бригов (Βρίγες), соседствовавших с македонцами и лишь позднее переселившихся в Малую Азию. (Из соотношения Φρύγες : Βρίγες видно, что в начале слова был придыхательный, произносившийся македонцами

как звонкий, а греками как глухой.) Сюда же присоединяются свидетельства Платона (Crat. 410 A) о многочисленных словах во фригийском, сходных с греческими.

Но известно также сообщение Геродота (VII.73) об армянах как переселенцах из страны фригийцев и Евдокса Книдского (St.B., s.v. Ἀρμενία), будто армяне в своем языке имеют "много фригийского" (πολλά φρυγίζουσιν). Античная традиция позволяет определить фригийцев-бригов в качестве этноса лишь в ареальном смысле "фракийского", т.е. продвинувшегося в Анатолию со стороны Фракии (Strabo VII. 3. 2; ср. ниже о пеонах), участвовавшего в набегах северных народов в XIII—XII вв. до н.э. на греко-ахейские области (вспомним эпизод "Телегонии" о вторжении бригов в Этолию). И в то же время эта традиция фиксирует его изначальное соседство с македонцами и наличие греко-фригийских и армяно-фригийских языковых схождений (разумеется, при этом не различая таких понятий, как элементы исконно родственные и заимствованные).

Надо сказать, что в этом, как и во многих других случаях, традиция в целом ориентирует нас правильно. Исследования по старофригийским надписям VIII—VII вв. до н.э. и позднефригийским надписям II—III вв. н.э. выявляют много общего, прежде всего, между фригийским и греческим⁴⁵⁾ в лексике, словообразовании и морфологии (во фригийской фонетике еще имеются неясные черты, в частности, по-разному объясняются случаи палатализации, затрудняющие однозначную оценку фригийского в качестве "кентумного" либо "сатемного" языка⁴⁶⁾). Лучшие списки греко-фригийских параллелей даны в указанных работах О. Хааса и Г. Нойманна.

Общими чертами, объединяющими греческий, армянский и фригийский с индоиранскими языками являются: 1) наличие аугмента в прошедшем времени, который в индоиранских, греческом и во фригийском вставляется в сложных глаголах с приставкой между этой приставкой и корнем (см. фригийские формы *en-e-parkes*, ποσ-ε-καπες); 2) вводная относительно-местоименная конструкция **ios-ke* "кто бы ни, каждый (, кто)", состоящая из местоимения **ios* и частицы *-ke*, ср. др.-инд. *yas-ca*, греч. ὅσ-τε, мик. *o-qe*, арм. *o-k'*⁴⁷⁾, фриг. *ios-ke*. Фригийское сочетание *ios-ni* "именно тот, кто" имеет точную формальную параллель лишь в

греческом: арк. ὄνι, фесс. ὄνε⁴⁸). Но здесь эти формы перешли в разряд указательно-выделительных местоимений со значением "именно этот"⁴⁹.

В морфологии важное греко-фригийское схождение представляет тип медиальных перфектных причастий с редупликацией, суффиксом *-menos* и, возможно, нулевой огласовкой корня: как отмечает Нойманн, фриг. τε-τικ-μενος "заклейменный" структурно идентично греч. τε-φυγ-μενος "беглый"⁵⁰. В сфере словообразования наглядна аналогия патронимических греческих и фригийских форм на *-eios*, ср. греч. [26] Ταντάλειος "сын Тантала" и фриг. *Voinéios* "сын Война", *Agipeia* "дочь Агиппа" (имя, заимствованное из греческого)⁵¹. Греческий тип имен мужского рода с суффиксом *-tas* вроде κυνηγέτης "охотник" оказывается общей греко-фригийской инновацией, ибо на основе имен типа Αροτάος или титула *proitavos* для фригийского восстанавливаются лексемы вроде **aro-ta-(s)* "пахарь" (= греч. ἀρότης то же) или **pro-i-ta-(s)* "идуший впереди, предводитель"⁵², вариант последнего титула представлен в греч. Πρόιτος, имени мифического царя Тиринфа.

Учитывая небольшой объем фригийских текстов, впечатляющим оказывается список греко-фригийских лексических соответствий: греч. αὐτός "сам": фриг. *autos* "свой, собственный"; греч. κακός "злой": фриг. κακόν, κακουν "зло" — семантическая модификация индоевропейской основы со значением "кал, экскременты"; греч. χλωρός "желтый": фриг. γλουρός "золото" (Hes.); греч. μωρός "глупый": фриг. μουρον — слово с негативным оттенком; греч. γυνή, γυναικός "женщина": фриг. кваико, кваикаν то же, арм. *кпау-к'* "женщины"⁵³. Фригийские причастия, встречающиеся в формулах проклятия, блестяще интерпретированы Хаасом на основе греческих соответствий: фриг. γεγαριμενος "клейменный", ср. греч. χαράσσω "выцарапывать, клеймить" < **ghrt-*; фриг. γεγριμενα "предначертанное, предписанное": греч. χρίω "окрашивать, натирать, накалывать" < **ghreis-*; фриг. τετικμενος "клейменный" < **(s)te-(s)tigmenos* : греч. στίζω "клеймить"⁵⁴. Некоторые фригийские лексемы с прямыми параллелями в греческом восстанавливаются по данным этно- и топонимастики: так, в основе этника Στοδμηνός лежит топоним *Στοδμος = греч. σταθμός "жилище, стоянка, хлев и т.п."⁵⁵ В одном случае Нойманн отмечает во фригийском черту, отсутствующую в греческом, но представленную в древнемакедонском: префикс *ad-*, вычленяемый во фригийских глаголах αδδακετ < **ad-dhə-k-e-t* "причинит",

αββερετ < **ad-bher-e-t* "принесет", фиксируется в древнемакедонском ἄββαи "дышла" < **ad-dhā*, букв, "приделанные"⁵⁶). Тем самым складывается картина тесных прагреко-македоно-фригийских связей, в некоторых случаях, вероятно охватывающих праармянский: ср. арм. *et'e* - союз с исходным значением "мол, дескать", фриг. ετι- с тем же значением, греч. ἔτι "даже, еще"⁵⁷).

Особую проблему представляют новфригийские глагольные формы типа αββερεтор "если бы нанес". Иногда они трактуются как чисто сослагательные образования и конечное -г сближается с греч. αρα — частицей, выражающей предположительность либо ирреальность⁵⁸). Другие же авторы расценивают их вместе с арм. *beriw*r < **beretor* "он носил" как родственные хеттским, итапо-кельтским и тохарским медио-пассивным формам на -⁵⁹). Тогда по этой изоглоссе армянские и какая-то часть поздних фригийских диалектов, отличаясь от греческого, смыкались бы с хетто-лувийскими языками. Но эта оговорка, к тому же, видимо, касающаяся позднейшей инновации⁶⁰), не мешает видеть во фригийском генетически самый близкий греческому индоевропейский язык, наряду с древнемакедонским. Точнее, речь может идти, по нашему мнению, о диалектах одного и того же языка, существовавшего в протогреческий период⁶¹). Это утверждение близко идее Вл. Георгиева о том, что греческий, [27] македонский и фригийский — потомки общего праязыка⁶²). В то же время О. Хаас допускал в составе фригийских племенных образований какие-то греческие этносы, чей язык повлиял на диалекты их соседей — собственно фригийцев. Достаточно приемлема точка зрения Г. Нойманна, который предполагает для фригийского статус сестринского языка по отношению греческому⁶³).

Вопрос о роли Трои в истории фригийцев связан с историей так называемой Малой Фригии в Пропонтиде. О. Хаас справедливо писал об исторической неоднозначности термина "Фригия"⁶⁴). Геродот (I.72; V.49; VII.26 и др.) понимает под Фригией огромное пространство между территорией Лидии и рекой Галис, на котором позднее, в начале нашей эры встречаются позднефригийские надписи. Фригийское же царство, возникшее в VIII в. до н.э. со столицей в Гордионе, охватывало лишь восточную часть этого пространства. Поскольку типично фригийская расписная керамика в Гордионе датируется временем не раньше конца IX в. до н.э., некоторые авторы связывают появление здесь фригийцев с этим относительно поздним временем⁶⁵). Правда, К. Биттель колеблется, не

считать ли "фригийскими" и четыре более ранних слоя Гордиона, с их монохромной керамикой, где наблюдается постепенное эволюционное вытеснение и изживание более ранних "хеттских" элементов. Со своей стороны, И.М. Дьяконов высказывает предположение, что фригийцы могли не участвовать в потрясениях XII в. до н.э., а разрушение Хеттского царства и утверждение в восточной части Малой Азии так называемой "старофригийской" культуры X—IX вв. приписывает скорее протоармянам. За фригийцами же остается собственно "фригийская" культура, распространяющаяся по Центральной Анатолии в середине VIII в. до н.э. Впрочем, ссылаясь на мнение М. Меллинка о близости этой "фригийской" керамики к культурам малоазийского запада и в том числе Трои VII^{б2}⁶⁶), И.М. Дьяконов вслед за В. Дресслером готов допустить обитание фригийцев где-то в Малой Азии еще до прихода в Гордион⁶⁷). Обширность территорий, охватывавшихся понятием "Фригия" при Геродоте и позднее, на которых, судя по позднефригийским надписям, был в употреблении фригийский язык, а также неудача попытки Хааса доказать отличие языка этих надписей от языка текстов Фригийского царства VIII—VII вв. до н.э. (в лучшем случае допустимо говорить о диалектных нюансах) заставляют, как это и делает Н. Хаммонд⁶⁸), считаться с возможностью не одного, а целого ряда передвижений с Балкан в Малую Азию и в пределах последней с участием различных родственных ранним грекам групп фригийцев.

С этой точки зрения употребление понятия "Фригия" в "Илиаде" дает картину весьма многозначительную. Разумеется, у Гомера отсутствуют упоминания о фригийском Гордионе и Фригийском царстве, которые возникли в VIII в. до н.э., буквально на глазах одного-двух поколений исторических греков. Однако устойчивое сочетание "Фригия и Меония", "города Фригии и Меонии" (II. III. 401; XVIII. 291) говорит о том, что у слушателей Гомера уже существовало представление о Фригии как о земле, неопределенно протянувшейся в глубь Малой Азии к востоку от Меонии (будущей Лидии). В этом смысле Геродот отличается от Гомера только тем, что располагает четкую восточную границу Фригии на Галисе. Однако Гомер в "Илиаде" отделяет от этой "Большой" Фригии территорию, которую он зовет "Северной" или "Верхней" [28] Фригией (Φρυγιή καθ' ἄνω). Так, Ахилл говорит, что некогда Приам был блажен и славился над всеми "сколько... Лесбос вмещает и Северная Фригия и Геллеспонт" (XXIV. 543 сл.). Это та самая Фригия, центром которой (II. 863) назван город Аскания у юго-

восточной оконечности Пропонтиды (вблизи реки Сангарий). Там же, "во Фригии у вод Сангария", обитает Асий, брат Гекубы (XVI. 719). С жителями именно этой Северной Фригии объединяется Приам в попытке отразить амазонок на Сангарии (III. 184 и сл.). При этом один из фригийских вождей зовется Μυῦδών (III. 186), выступая эпонимом пропонтийского племени мигдонов, одноименных мигдонам на Халкидике. Хотя имя мигдонов, как впрочем и македонцев, по происхождению является фракийским⁶⁹⁾, но наделение именем Мигдон фригийского правителя может указывать на переселение этой группы фригийцев с крайнего запада Фракии, из мест, сопредельных с Македонией, Пеонией и Северной Грецией. В частности, Халкидская Мигдония соседствовала с Ойсимой, откуда происходила супруга Приама Кастианейра, с именем, вписывающимся в македоно-троянскую изоглоссу. Тем знаменательнее, что поэт выводит Гекубу, "главную" жену Приама из припонтийских фригийцев, имеющих корни в той же околوماкедонской области.

Итак, Гомер часто понимает под Фригией, без уточнений, область в близком соседстве с Илионом, называвшуюся позднее "Малой Фригией" (Φρυγία μικρά, *Phrygia minor*), также "Фригией у Геллеспонта"⁷⁰⁾. "Большая" Фригия с "хорошо населенными" городами рядом с Меонией для времен, предшествующих Троянской войне и освещенных хеттскими архивами, исторически нереальна: упоминание о ней отражает картину, возникшую после походов мушков, хотя, видимо, более раннюю, чем Фригийское царство с центром в Гордионе. Именно к возникновению "Большой" Фригии относится рассказ лидийского историка Ксанфа о фригийцах, пришедших из Европы после Троянской войны (Strabo XIV. 5.29), связанный, вопреки Нойманну⁷¹⁾, скорее с далеким прошлым. "Малая" же, пропонтийская Фригия выглядит ранним фригийским анклавом в Анатолии у границ Вилусы, или даже в ее владениях, вероятно, возникшим еще до великого переселения.

В этой связи очень любопытно наличие в официальных надписях северо-восточных фригийцев VIII—VII вв. до н.э. микенской царской титулатуры, отражающее давние контакты их предков с ахейцами: такова надпись на памятнике Мидасу *midai lavagtaei vanaktei*⁷²⁾, соединяющая греческие титулы *Ἰάναξ* (мик. *wa-na-ka*) "владыка" и *λαβῆγέτας* (мик. *ra-wa-ke-ta*) "предводитель народа", или наименование царя вифинского города Модры *modrovanak*, по

структуре идентичное греческому (эолийскому) имени Λεσβῶναξ < *Lesbo-wanakt — "Владыка Лесбоса"⁷³.

Нет ничего невероятного в идее О. Хааса, что эти создатели фригийской государственности могли прийти со стороны Мраморного моря. В их числе наряду с группами фригийцев, вытесненных с Балкан в IX в. до н.э. возросшим иллирийским давлением⁷⁴, могли находиться и давние соседи Трои — жители Малой Фригии с их греко-микенскими и западноанатолийскими связями.

Мы склоняемся к мысли, что уже во II тыс. до н.э. фригийско-македонские этносы, достигшие с народами "курганной волны IV" северной окраины Греции (области к западу от Стримона, Халкидика, восток Македонии), устанавливают связи с Илионом, а затем начинают поселяться в его окрестностях, под покровительством вилусских царей. Отсюда рассказы о женитьбе Приама на Кастианейре из Ойсимы и на Гекубе из Малой Фригии. В самой Троеде находим фригийские топонимы. Так, название троянского [29] города Θύμβρα, основанного, по преданию, Дарданом в честь его друга Тимбра (θύμβρος, St.B.), места, где, согласно "Илиаде" (II. X. 430), располагались лагерем союзные троянцам анатолийские рати, родственно фригийскому гидрониму Τέμβρη), топониму Τέμβριον⁷⁵. Название поселения Ἀδρήστεια вблизи Перкоты, образованное от имени героя Адреста или Адраста — или "фригизм" или очень ранний "грецизм". Данное имя представлено в Греции, где его носит один из участников похода Семерых против Фив, и во Фригии в качестве имени сына легендарного Гордия, эпонима Гордиона (Herod. I. 84 sq.), также в лид. *Atrasta*⁷⁶, видимо, передающем греко-фригийский антропоним.

Небезынтересно, что в некоторых поздних источниках (Hrdn. I, II. 2; Paus. II. 22.3) сам троянский Ил называется "фригийцем" (ὁ Φρύξ). Правда, эти примеры относятся к тому времени, когда имя "фригийцев" уже распространялось на троянцев, а под Малой Фригией могли просто понимать Троаду (Ptol. V.2.4). Однако эти сообщения перекликаются с реальным наличием в ономастике Фригии таких форм как *Ilus* и особенно, *Oylias. Последнее восстанавливается по патрониму *Oyliavos* в одной надписи IV в. до н.э. и может быть сопоставлено с именем греческого Оилея⁷⁷ — "Со-Илейца", по мифу — рожденного при строительстве стен Илиона⁷⁸.

Кроме прафригийцев была еще одна племенная группа, которая должна была сопутствовать прагрекам в миграции "курганной волны IV": мы говорим о праармянах. Фригийский имеет схождения и с греческим, и с армянским, но и между собой эти языки тесно связаны. Г. Зольта, анализируя индоевропейскую лексику в армянском, установил, что из примерно 450 слов свыше 80 (около 19%) оказываются общими для армянского и греческого, а из них 27 представлены только в этих языках. По числу исключительных схождений армянского с другими языками греческий стоит на первом месте, а индоиранские — на втором⁷⁹).

Правда, армянский характеризуют и связи иного рода, в частности, соответствия в германском: согласно Г. Зольте, обнаружено семь исключительных армяно-германских изоглосс. Но тут же этот автор указывает, что по морфологии праармянский был весьма близок к прагреческому, а с германскими особого сходства не имел. На меньшем числе примеров к выводу о тесном соседстве прагреков и праармян пришел и В. Порциг⁸⁰). Можно полагать, что в начале III тыс. до н.э., когда в Северном Причерноморье существовала греко-индоиранская диалектная общность, к ней примыкали весьма близкие к прагреческим праармянские и прафригийские диалекты. Однако они должны были располагаться на ее периферии: этим объясняется наличие в данных языках медио-пассивных форм на *-r*, а также армяно-германские переключки в лексике.

Обилие в армянском слов, объединяющих его с греческим, при сравнительной немногочисленности праязыковых параллелей в индоиранских языках, делает весьма правдоподобной ту мысль, что во второй половине III тыс. до н.э. прагреки и праармяне, уже обособившись от праиндоиранцев, продолжали контактировать между собой⁸¹). Но мы видели, что до проникновения в Грецию прагреки должны были пройти через Южную Фракию, и часть могла оказаться в Анатолии по соседству с Троей и даже продвинуться от нее на юг. Напрашивается мысль, что и праармяне скорее всего находились где-то неподалеку. [30]

С учетом всех этих обстоятельств читателю вряд ли покажется априорно невероятной гипотеза, недавно высказанная одним из авторов статьи о том, что среди народов, изображаемых Гомером в качестве балканских союзников Трои, имеется один, который может быть соотнесен с праармянами, а именно пеоны⁸²). Добавим к тому, что изложено в указанных работах, трактовку двух свидетельств Геродота. Одно (Herod. V.13) сообщает удивительное пеонское предание о

происхождении этого народа, поведенное представителями пеонов Ксерксу: на вопрос царя об их происхождении они отвечали, "будто являются выходцами из тевкров, тех, что из Трои". Это причисление своего этноса, обитавшего на берегах Стримона и Аксия, к тевкрам должно быть соотнесено с единственным известным упоминанием о тевкрах на Балканах — с рассказом того же Геродота (VII.20) об их нашествии, охватившем всю Пропонтиду, Эгейскую Фракию и север Греции — от Боспора до вод Пенея (поход Ила, по Ликофрону). Не отождествляли ли себя пеоны, пришедшие к берегам Стримона с запада, с осколком "тевкрийского" массива племен ("курганная волна IV"), некогда двинувшегося на Фракию с северо-востока Боспора? Второе сообщение Геродота содержит сведения о попытках пеонов в более поздние времена продвинуться на восток Фракии, к Геллеспонту и даже к самому Боспору Фракийскому. Это сообщение о войнах их в Пропонтиде и о захвате ими, в соответствии с неким оракулом, г. Перинта западнее Боспора (Herod. V.1). Имя народа отразилось в названии города Παίων на Фракийском Херсонесе, нависающем с севера над Троадой (Scyl. 67). Учитывая, что на Балканах пеоны прямо соседствовали с македонцами и с бригами, т.е. ранними фригийцами, напрашивается мысль, что во II и начале I тыс. до н.э. они могли, как и фригийцы-мигдоны из Халкидики, попытаться освоить пропонтийские районы, ближайšie к Трое. До известной степени путь этим народам проложила первая группа народов "курганной волны IV", прорвавшаяся на северо-запад Анатолии в конце III тыс. до н.э., — прагреки, подхватившие здесь название Аххиявы.

Кроме того, в связи с известным толкованием хеттского наименования страны Хайаса на востоке Анатолии с XIV в. до н.э. как "страны народа *Hay-k'*, т.е. ранних армян" (а мы объясняем данный этноним из основы **rai-*, представленной в таких балканских племенных именах, как Παίωνες, Παίτοι, Παίότλαι, в силу армянского перехода *p-* в придыхание), следует указать на созвучие названия хайасского города *Aripša* на Черном море и топонима Ἀρίσβα в Троаде и на Лесбосе, гидронима Ἄρισβος во Фракии⁸³). Данная переключка не позволяет исключить возможности прибытия родоначальников хайасцев к предгорьям Кавказа с запада по южному черноморскому побережью, путем, ведущим из Пропонтиды. Кстати, и реконструируемое для Троады и соседней области Фракии на основании названия Арисбы слово для "лошади" **issyā* как самобытный по форме рефлекс и.-е. **ek'yos*⁸⁴), среди родственных индоевропейских терминов наиболее напоминает

особенностями фонетического облика арм. *eš*(= *eiš*) "осел", род.п. *išu* или *išoy*. Если предполагать соответствующую форму в хайасском, то название соседней с Хайясой-Ацци страны *Iššuwa* могло бы трактоваться как точный морфологический и семантический аналог к западноанатолийскому *Aššūwa* "конная страна" от лув. иер. *a'suwa* - "лошадь"⁸⁵. [31]

IV

Мы вновь убеждаемся в исторической уникальности Трои в качестве узлового пункта истории различных индоевропейских народов, постепенно со второй половины IV до середины II тыс. до н.э. осваивавших обе стороны Эгейды и острова этого бассейна. Но здесь же заключается и отличие гомеровского эпоса от эпических сказаний многих народов. Ронсевальское ущелье, Косово поле, берега Каялы фактически случайно обрели свое место в народной памяти. Их предшествующая история не предопределяла тех драматических событий, из-за которых их названия вошли в эпос. Это просто места, где свершаются великие дела, можно сказать, места, оказавшиеся "свидетелями" этих дел, и не более того. С Троей дело обстоит совершенно иначе. Две тысячи лет, предшествовавшие пожару Трои VIIa, готовили Илион на ту роль, которую он обрел в эпических песнях греков. Лувийский ритуал с мотивом "прибытия от высокой Вилусы"⁸⁶, древние образования от основы **Troys-* и **Wilu-/Wiljo*⁸⁷ в ономастике анатолийских и балканских племен, включая и греков, — все это приметы исторических процессов, направленных в ту точку, где в конце концов они сгустились в тему Великой Троянской войны. Троя — не место, где разворачиваются события "Илиады", Троя с ее историей — главное действующее лицо этой поэмы.

Мы отнюдь не можем быть уверены, что то или иное племя, причисляемое Гомером к разрушителям или защитникам Илиона, принимало какое бы то ни было реальное участие в судьбе Трои VIIa. Но мы точно знаем, что в Эгееде не было народа, к чьей судьбе не была бы причастна Троя. Она возникла как одна из прото-фракийских культур, вроде Эзера, Чернаводы, Юнаците и других. Это значит, что в стенах Трои I мог звучать язык, из которого через две тысячи лет развился язык исторических фракийцев. Но точно так же среди носителей этих культур была, по-видимому, какая-то часть хетто-лувийских народов. Последние к

середине III тыс. до н.э., выделяясь из протофракийского культурного круга, концентрируются в Северо-Западной Анатолии. Это в основном лувийцы, хотя среди них же могли быть и предки лидийцев. При этом не прерывается и связь Трои с Фракией, хотя, как отмечалось выше, во второй половине III тыс. троянская культура обретает все более самобытные черты, что выражается и в языке: троянские "тросы" начинают отличаться от раннефракийских "травсов"⁸⁸). Особая проблема — Троя и ранние иллирийцы (обобщенно — западнобалканские этносы): название Дардании, имена мифических троянских правителей Дардана и Батиеи с очевидными иллирийскими аналогами, наконец, присутствие в иллирийском форм *Trosius, Trosia* подтверждают, что и для западнобалканских индоевропейцев в ранний период их истории Троя не была "землей неведомой".

К 2300—2200 годам основная масса лувийцев смещается к югу, к местам исторического обитания, сохранив на века память о Вилусе. В это же время, отделившись от своих соседей и сородичей праиндоиранцев, к проливам Мраморного моря из Северного [32] Подунавья придвигаются народы, в чьих поселениях звучит прагреческая, праармянская, прафригийская речь. Концепция троянского и греческого этногенеза, выдвинутая Меллаартом в 1958 г., в ряде моментов выглядит гораздо убедительнее, чем многие, конкурировавшие с ней в последующие годы идеи, в том числе разделявшиеся самим ее автором. Она лучше всего объясняет те особые отношения между Троей и греческим миром, которые прослеживаются со Среднеэлладского периода. Мы считаем вполне вероятным, что некая часть прагреков могла инфильтроваться в Северо-Западную Анатолию так же, как несколькими веками раньше сюда проникли пралувийцы. Более того, термин "Аххия-Аххиява", которым хетты позднее обозначали Ахейскую Грецию, мог, формально имея вполне малоазиатский облик, изначально относиться к области Анатолии (к северу от Герма), освоенной в конце III тыс. до н.э. прагреками, принявшими ее название в качестве своего имени. В поддержку этой гипотезы говорит и подмеченная О. Каррубой возможность исторической связи между названием Аххиявы и именем эолийцев. Конечно же, пребывание части прагреков в конце эпохи Ранней бронзы на земле будущей Эолиды вовсе не служит, как мы уже писали в предыдущей статье, в пользу идеи переднеазиатского происхождения этого народа. Мы видим всего лишь, как Трояду и области южнее ее охватывает в указанное время левое крыло племенного массива, основная часть которого продвигается из Подунавья через

Фракию в сторону Греции. Позднее этих мигрантов "догоняет" часть тех прагреков, которые попытались было обжиться по другую сторону проливов в Анатолии, но оказались вынужденными отойти, вероятно, под давлением не только лувийцев, как думал Меллаарт, но и пралидийцев (в районе Меандра), и ранних фракийцев на обоих берегах Геллеспонта. Эти прагреки, отступившие из Анатолии, дают начало ахейцам и золийцам балканской Греции. Другие же из новых пришельцев в Троаду, не оставляя попытки освоить эту землю, укрепляются за твердынями Трои VI⁸⁹).

В начале II тыс. до н.э. раннегреческие племена расселяются на протяжении от Фессалии до Пелопоннеса, а родственные им ранние фригийцы-бриги и протоармяне-пеоны сконцентрировались к западу от Стримона на периферии Фракии и частично в Македонии. Дальнейшее движение на запад через гористые местности Иллирии или на юг, освоенный греками, для фригийцев и пеонов оказывается малоперспективным. В последующие века они пытаются распространить свое влияние на более восточные области Фракии. Часть их перебирается в Анатолию. Здесь фригийцы основывают Малую Фригию на Сангарии и завязывают дружественные отношения с царями Илиона. Отсюда какая-то группа пеонов-праармян, возможно, уходит дальше к востоку и в предгорьях Кавказа дает начало хайасцам.

Эта реконструкция подкрепляется одним местом у Геродота, а именно VII.75, где вифинцы, рассказывая о своем происхождении, утверждают, что "... раньше они назывались... стримониями, живя на Стримоне, а вытеснены были против воли... тевкрами и мисийцами". Уход вифинцев со Стримона на восток Фракии подтверждается косвенно и тем, что позднее в Малой Азии часть их образовала особое племя Μαῖδοβιθυνοί, смешанное с другим фракийским этносом — медами (Μαῖδοί), чья основная масса до позднейшего времени продолжала жить именно на Стримоне⁹⁰). Можно полагать, что миграция вифинцев и, частично, медов была вызвана экспансией племен, относивших себя к "тевкрам", прежде всего пеонов, живших на Аксию. Но чрезвычайно интересно, что Геродот вместе с тевкрами называет мисийцев.

Думается, термин "мисийцы" далеко не однозначен. На территории анатолийской Мисии мы находим гидронимы, по своему корнеслову и фонетическому облику не

являющиеся ни хетто-лувийскими, ни северобалканскими. Так, В. Георгиев объяснил название Κῆϊκος "Каик", совр. *Bakir-çay* — "Медная река", т.е. "река с рыжей водой" из и.-е. **kaṷ-ikos* "огненный", греч. καίω -"жгу", а Ἑρμος "Герм" из и.-е. **sermo*, [33] др.-инд. *sarmaḥ* — "течение"⁹¹⁾. Но основа **kaṷ-* — "гореть" из индоевропейских языков представлена только в греческом с очень сомнительной параллелью в лит. *kuleti* — "быть горючим"⁹²⁾. Между тем, весьма похоже, что обозначение "полыхающей, кипящей воды", образованное от той же основы, мы находим в том же ареале в гидрониме Καῖστρος, совр. *Aksu* — "белая вода", образованном аналогично греч. καυστήρ, вар. καυτήρ "средство для прижигания", καῖστέρα — "горячая (о битве)". Здесь же отметим и переход начального *s > h* в названии Герма, не являющийся фракийским, но находящийся параллели в армянском и греческом, ср. рефлекс того же корня в греч. ὄρμη < **sormā* "стремление, натиск". Объяснение этих имен может быть двояким. Либо перед нами древнейшие реликты пребывания греков на территориях к югу от Трои, где, по нашим предположениям, могла находиться первоначальная Аххия/Аххиява. Либо это формы более поздние, относящиеся ко времени расселения здесь во II тыс. до н.э. мисийцев во владениях Вилусы и Страны реки Сеха. Но тогда само понятие "мисийцы" нуждается в новом понимании. Не исключено, что в Анатолии этот термин обозначал исконно примерно то же, что ассирийское "мушки", т.е. сообщество племен балканского происхождения. В нем, наряду с отрядами фракийцев, могли играть важную роль этносы, явившиеся в Эгеиду через Балканскую Мисию в числе народов "курганной волны IV" (геродотовских тевкров), включая и ранних фригийцев и, может быть, какие-то протогреческие элементы. Весьма показательно, что и в том сообщении Геродота (VII.20), от которого мы отправляемся в данной статье, говорится о нашествии на Балканы не просто "тевкров", но "мисийцев и тевкров". Тогда, нанеся на карту Трои и соседних районов зону пребывания различных этнических групп, оставивших следы в местной топонимике, мы получим интересную картину: основная часть Трояды оказывается заполнена фракийскими местными названиями; на крайнем юге и на северо-востоке обнаруживаются следы обитания лувийских племен (киликийцев и зелейских ликийцев⁹³⁾) и, наконец, за пределами собственно Трои на юг и на восток лежат Мисия и Малая Фригия, т.е. области, где должны были и могли проживать народы, родственные ранним грекам (фригийцы и этнос, которому принадлежат названия Каика, Каистра и Герма).

А что же могло случиться с прагреками, осевшими в Трое? Принятие ими самоназвания *трянцы*, абсолютное господство в троянской топонимике фракийских названий, глубоко самостоятельное культурное развитие Трои во второй половине II тыс. до н.э. — все это указывает на постепенную конвергенцию их с более ранним населением Трояды, по преимуществу протофракийского происхождения⁹⁴), как бы слияние отколовшейся части протофракийцев с обособившейся группой прагреков в единый полиэтнический конгломерат. Поэтому мы вовсе не присоединяемся к иногда звучащему определению Троянской войны как войны "междоусобной" — греков против греков, вроде похода Семерых против Фив. Укажем для наглядности, что между вероятным появлением прагреков в Трояде и пожаром Трои VIIa прошло примерно столько же времени, как и между летописным призыванием на Русь варягов и Северной войной.

Но если Троя для греков не была частью их мира даже в таком смысле, в каком подобную часть образовывали их колонии в Милете или Эфесе, то чем же она была в их восприятии? Надо сказать, что историческая память имеет весьма сложную структуру, возможно, включающую и такие слои, в реальном содержании которых [34] сам народ едва ли вполне отдает себе отчет. Реконструируя раннюю историю греков по прямым показаниям их фольклорной традиции, мы не продвинемся глубже фессалийского периода (начало II тыс. до н.э.). Трудно ожидать от бесписьменного народа сколько-нибудь ясного, воспоминания о событиях, пережитых им как бы в эмбриональном состоянии, еще до обособления в этническую целостность с соответствующим самосознанием. В этом смысле можно утверждать, что греки как народ начинаются в Греции и неотделимы от ее почвы. Однако сопоставление независимых показаний лингвистики и археологии с содержанием таких темных, рудиментарных легенд как повесть о походе тевкров, охватившем пространство от Боспора до изобилующей раннегреческой топонимикой Северной Фессалии (см. выше) приводит к удивительному заключению: в таких реликтах способна не явно для народа, не превращаясь для него в признаваемую им часть собственной истории, отражаться его предыстория, по крайней мере, на несколько веков глубже уровня, соответствующего его более или менее окончательной этнической кристаллизации. В таком случае, что же такое *тевкры* этой легенды? Это прагреки. Но это и прамакедонцы, и прафрагийцы, и праармяне, это образ этноязыковой общности, далеко выходящей

за рамки тех этнических родственных связей, которые напрямую воспринимались этногенеалогическими легендами греков. В связи с высказанной гипотезой допустимо предположить, что чувство родства перечисленных народов (на протоэтническом уровне) могло преломиться в этимологически вскрываемой внутренней форме самого этнонима Τεῦκροί, имеющего, по нашему мнению, значение "родня, сородичи, соплеменники" > "народ", ср. др.-инд. *tokám* "потомок", "дитя", *tókman-* "отпрыск", "побег, отводок", авест. *taoχman-* "семья", "росток", мн.ч. "родство", "родня", др.-перс. *tauma* "семья", "семья", "росток"; ср.-в.-нем. *diehter* "внук"⁹⁵ от и.-е. **teuk-*, восходящего в конечном счете к и.-е. корню **teū-, tū-* "набухать", "быть мощным" (др.-инд. *taviti* "быть сильным, имеющим мощь" и т.д.); чередование *t*-основы (греч. Τεῦκρ-) с основой на носовой (индо-иран. *tokm-*) является типичным случаем гетероклизии в индоевропейском, свидетельствующим о чрезвычайной праязыковой древности образования интересующей нас этнонимической лексемы; ср. и. -е. *teu-t* (с *t*-распространителем) "многочисленный, мощный народ" в гот. *biuda* "народ", ср.-в.-нем. *dioſ(a)* то же и т.д.⁹⁶; Τεύταρος - вождь одного из македонских племен⁹⁷ и множество других с той же основой личных имен в древних языках Европы⁹⁸; сюда же фрак. этноним (Βι)-θυνοί "вифинцы"⁹⁹.

В подобных условиях, видимо, имеет смысл говорить о неосознаваемой или "темной" исторической памяти коллектива. Но и эта "темная" память имеет свой предел, свое "дно". Таким пределом для греков оказывается Троя, пусть еще как бы без "священного Илиона" (стен Трои VI). Мифо-историческое движение "тевкров" со стороны Балканской Мисии, охватившее в том числе и Трою, обращается в этой "темной" памяти в поход из Трои через Боспор под началом Ила - эпониима Илиона, родителя и предшественника Лаомедонта. В самих глубинах традиции, уводящих туда, где греки еще не стали греками, мы не найдем представления о том, что было с их предками раньше знакомства с Троей. Для коллективного сознания греков отправная страна их истории — Фессалия, для "скрытой" их памяти — Троя-Илион. За этот предел позволяют проникнуть лишь чисто лингвистические пережитки, вроде имени "данайцы" со скрывающимся за ним фактом контакта прагреков с праиранцами внутри протоэтнического ареала индоевропейцев. [35]

Встреча прагреков с Троей обернулась для них попыткой "присвоения" такого культурного феномена, который был значительно сильнее их, хотя бы потому, что был в известном смысле древнее и принадлежал не только им, но и прафракийцам, лувийцам, лидийцам и другим народам. Имелись все предпосылки для возникновения в греческой традиции задолго до Троянской войны своего рода "троянского комплекса", выражающего их противоречивое, проникнутое внутренним диссонансом отношение к этому городу, обращенному к Греции, священному для многих греков, вписанному в фамильные легенды греческих династий, в то же время разнящемуся от греческого мира и в обрядовой сфере, и во многих культурных предпочтениях, дразнящему греческих правителей своей древностью и своей автаркической гордыней. Этот комплекс воплотился в мифологеме города, любимого богами "больше всех городов, населенных людьми под солнцем и под звездным небом" (Il. IV. 44), а затем ставшего для богов ненавистным, спровоцированного ими на дела, обрекающие его на проклятие.

Не отсюда ли проистекает та ревнивая решительность, с которой Аххиява оружием пресекла попытку Муватталиса переориентировать Вилусу на Хеттскую империю¹⁰⁰? И не в "троянском" ли "комплексе" греков состоял глубинный стимул к Троянской войне и эолийской колонизации в десятилетия, когда под ударами с севера заколебались основы привычного "героического" стиля жизни? Троянская война была не только причиной затянувшихся скитаний-"возвращений", раскидавших греков по всему Средиземноморью. Она по сути сама была "возвращением" к прагреческим местам на балканском севере, так же как черты "возвращения", блуждания трех поколений на пути к желанной земле приобрела в предании эолийская колонизация. В центре воспоминания греков о конце их героического века оказались не нашествия северных племен, не походы поздних ахейцев на Левант и великолепный Египет, а сожжение Илиона — деяние, в котором удивительно слились подвиг возмездия и вина, павшая не на одних локров-"илейцев", а на многие поколения греков (вспомним, как у Гомера Зевс и Гера обменивают разрушение Трои на гибель пелопоннесских столиц).

На самом деле в исторической перспективе этот поход даже для самого Илиона не имел ощутимых радикальных последствий: через несколько лет Троя VIIb1 отстроилась. Но это было несущественно для мифа, трансформировавшего "троянский комплекс" греков в тот образ трагической победы, которым полтора

тысячелетия вдохновлялись величайшие поэтические произведения античности. Рассказы о Троянской войне историчны не только потому, что в них претворились дела нескольких лет в последней трети XIII в. до н.э., но и потому, что смысл, приписанный в таких рассказах пожару Трои VIIa, был предопределен целым тысячелетием, предшествовавшим этому пожару.

[1\)](#) Тронский И.М. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973. С. 4.

[2\)](#) Carruba O. Lydisch und Lyder // MIOF. 1963. Bd VIII. S. 407 f.

[3\)](#) Об Аххияве и Аттариссии подробно см.: Гиндин Л.А. Троянская война и Аххиява хеттских клинописных текстов // ВДИ. 1991. № 3; он же. Население гомеровской Трои. Историко-филологические исследования по этнологии Древней Анатолии. М., 1993. С. 92-133 с литературой; Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1995. Гл. II.

[4\)](#) Более подробно см.: Carruba O. Ahhiyawa e altri nomi di popoli e di paesi dell'Anatolia occidentale // Athenaeum. 1964. V. 42. P. 295 sqq. В частности, в последней статье Карруба предполагает, что к той же основе можно возвести и имя ионийцев, если принять для какого-то из анатолийских диалектов фонетическое развитие Ahhija(wa)-wanni > *(H)ijawana, по типу позднеанатолийских аферез в сверхдлинных именах вроде лик. Pulenjda < Ἀπολλωνίδης, Tenegure < Ἀθαναγόρας и т.д. Вероятно, древнейший засвидетельствованный пример такой аферезы можно видеть в хет. Tawak(a)lawas̄ из знаменитого письма о Тавакалавасе в Аххияву начала XIII в. до н.э. как передаче чисто греч. *Ἐτεῦοκλεῦες = мик. *Etewoklewēs, ср. PY An 654, Aq 64 e-te-wo-ke-re-we-i-jo, гом. Ἐτεοκλεΐη (Il. IV. 386). (Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. 2 ed. Camb., 1973. p. 547; подробнее см.: Гиндин. Троянская война... С. 47; он же. Население... С. 127). Сложность, однако, в том, что в отличие от имени эолийцев имя Ἴάωνες, мик. i-ja-wo-ne - KN B 164, Xs 146, для греков, судя по формам Ἴάς "иониянка", Ἴαστί "по-ионийски" четко членились на суффикс и краткую ономастическую основу Ija-, которую затруднительно возвести к Ahhija(wa), если не видеть в ней вторичного извлечения из Ἴάων (впрочем, см.

Гиндин. Язык древнейшего населения... С. 127). Для ионийского этнонима толкование Каррубы остается несравненно более шатким, чем в случае с именем эолийцев, особенно ввиду приводимого ниже анализа фрагмента из "Письма о Тавакалавасе".

[5\)](#) Sommer F. Die Aḥḥijavā-Urkunden. München, 1932. S. 2 f.

[6\)](#) Forrer E. Vorhomerische Griechen in den Keilinschriften von Boghazköi // MDOG. 1924. Bd 63. S. 10; idem. Für die Griechen in den Boghazköi-Inschriften // Kleinasiatische Forschungen. 1929. Bd I. Ht 2. S. 255 f.; ср.: Friedrich J. Werden in den hethitischen Keilschrifttexten die Griechen erwähnt? // Ibid. 1927. Bd I. Ht. I. S. 97 f.

[7\)](#) Sommer. Die Aḥḥijavā-Urkunden... S. 43 f.

[8\)](#) Фридрих И. Краткая грамматика хеттского языка / Пер. с нем. М., 1952. С. 43 сл.

[9\)](#) Там же. С. 56; Ларош Э. Очерк лувийского языка // Древние языки Малой Азии. М., 1980. С. 231.

[10\)](#) См. Kretschmer P. Die Hypachäer // Glotta. 1933. Bd 21. S. 227.

[11\)](#) Тронский. Ук. соч. С. 33.

[12\)](#) Kretschmer P. Ionier und Achäer // Glotta. 1909. Bd 1; Nilsson M.P. Homer and Mycenae. L., 1933; Porzig W. Sprachgeographische Untersuchungen zu den altgriechischen Dialekten // IF. 1954. Bd 61. S. 166.

[13\)](#) Hoffmann O. Geschichte der griechischen Sprache. Bd I. Lpz, 1911. S. 32 ff.

[14\)](#) Georgiev VI. La koiné creto-mycénienne // Études Mycéniennes / Ed. M. Lejeune. P., 1956; idem. The Arrival of the Greeks in Greece: the Linguistic Evidence // Bronze Age Migrations in the Aegean. Duckworth, 1973; Bartonek A. Mycenaean Koine Reconsidered // Proceedings of the Cambridge Colloquium on Mycenaean Studies / Ed. L.R. Palmer, J. Chadwick. Cambr., 1966; Тронский. Ук. соч. С. 31; Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Отражение индоевропейских лабиовелярных в древнемакедонском // ВЯ. 1991. № 2. С. 50 сл.

[15\)](#) Schwyzer E. Griechische Grammatik. Bd I. München, 1939. S. 472.

[16\)](#) Гиндин. Язык древнейшего населения... С. 104.

[17\)](#) Тронский. Ук. соч. С. 166.

[18\)](#) Güntert H. Die arische Weltkönig und Heiland. Halle, 1923. S. 73; idem. Über die Namen Achaier und Hellenen // Wörter und Sachen. 1926. Bd 9. S. 130 ff.; Kretschmer P. Literaturbericht für das Jahr 1926 // Glotta. 1927. Bd 15. S. 190; idem. Literaturbericht für das Jahr 1926 // Glotta. 1929. Bd 17. S. 250; Frisk HJ. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd I. Heidelberg, 1960, S. 199; Георгиев В.И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958. С. 100.

[19\)](#) Laroche E. Études sur les hiéroglyphes hittites // Syria. 1958. T. 35. P. 267; Garstang J., Gurney O.R. The Geography of the Hittite Empire. L., 1959. P. 52 f.; Гиндин. Язык древнейшего населения... С. 104.

²⁰ См. [Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Античная версия исторического события, отраженная в KUB XXIII. 13 // ВДИ 1986. № 1. С. 86.](#)

[21\)](#) В деталях см.: Гиндин Л.А. Троянская война и Аххиява хеттских клинописных текстов // ВДИ. 1991. № 3. С. 51; он же. Население... С. 10 сл. (с литературой); Гиндин, Цымбурский. Гомер... Гл. III.

[22\)](#) Risch E. Die Gliederung der griechischen Dialekte in neuer Sicht // Museum Helveticum. 1955. Bd 12; Chadwick J. The Greek Dialects and Prehistory // Greece and Rome, 1956. Bd 3; idem. Who were the Dorians? // Parola der Passato. 1976. V. 166. P. 108; Bartonek A. The Place of the Dorians in the Late Helladic World // Bronze Age Migrations...

[23\)](#) Buck C.D. The Greek Dialects. 4ed. Chicago-London, 1968. P. 62.

[24\)](#) Тронский. Ук. соч. С. 31.

[25\)](#) Гиндин, Цымбурский. Отражение индоевропейских лабиовелярных...

[26\)](#) Houwink ten Cate Ph.H.J. Anatolian Evidence for Relations with the West in the Late Bronze Age // Bronze Age Migrations...

[27\)](#) Ventris, Chadwick. Op. cit P. 537 (в принятой позже транскрипции а₃ = ai).

[28\)](#) Гиндин. Население... С. 128.

[29\)](#) *Kretschmer P.* Zum Balkan-Skytischen // *Glotta*. 1936. Bd 24. S. 16 f.; *Frisk*. Op. cit. Bd I. S. 347; Георгиев. Ук. соч. С. 100; *Трубачев О.Н.* Названия рек Правобережной Украины. М., 1968. С. 216 сл.

[30\)](#) Абаев В.И. Скифский быт и реформы Зороастра // *Archiv Orientalni*. 1956. V. 24. № 1. S. 42 f.

[31\)](#) Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева Вып. 5. С. 156.

[32\)](#) *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd I. Bern-München, 1959. S. 175.

[33\)](#) Förster M. Der Flussname Themse und seine Sippe. München, 1941. S. 141 f.; Nikolaisen N. Die alteuropäischen Gewässernamen der britischen Hauptinsel // *BNF*. 1957. Jg. 8. S. 245 f.

[34\)](#) Detschew D. Die thrakischen Sprachreste. 2. Aufl. Wien, 1976. S. 115; Георгиев В.И. Траките и техният език. София, 1977. С. 185, 259.

[35\)](#) Sakellariu M. Les proto-grecs. Athènes, 1980. Passim.

[36\)](#) См. Gimbutas M. The Destruction of Aegean and East Mediterranean Urban Civilisation around 2300 B.C. // *Bronze Age Migrations...* P. 134 f., 139 (Tabl.).

[37\)](#) Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981. С. 24.

[38\)](#) Ср. карту: Gimbutas. Op. cit. P. 139.

[39\)](#) Гиндин Л.А. К вопросу о статусе языка древних македонцев // *Античная балканистика*. М., 1987; Гиндин, Цымбурский. Отражение индоевропейских лабиовелярных.

[40\)](#) Например, *Kretschmer P.* Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896.

- [41\)](#) Haas O. Die phrygischen Sprachdenkmäler. Sofia, 1966; Brixhe C. Études néophrygiennes // Verbum. 1978. T. I. Fasc. 1; Georgiev VI. Le paléo-phrygien // Linguistique balkanique. 1985. XXVIII. 3; Баюн Л.С., Орел В.Э. Язык фригийских надписей как исторический источник // ВДИ. 1988. № 1,4; Neumann G. Phrygisch und Griechisch. Wien, 1988.
- [42\)](#) Brixhe C, Lejeune M. Corpus des inscriptions paleo-phrygiennes. T. 1-2. P., 1984.
- [43\)](#) Neumann. Op. cit. S. 4.
- [44\)](#) Подробнее см. Гиндин, Цымбурский. Гомер... Гл. V.
- [45\)](#) Georgiev VI.I. Introduction to the History of the Indo-European Languages. Sofia, 1981. P. 360; idem. Le paleo-phrygien; Haas. Op. cit. S. 236.
- [46\)](#) Георгиев. Траките и техният език. С. 233; Дьяконов И.М. Фригийский язык // Древние языки Малой Азии. М., 1980. С. 373 сл.; Brixhe C. Palatalisation en grec et en phrygien: problemes phonetiques et graphiques // BSL. 1982. T. 77.
- [47\)](#) Дьяконов. Ук. соч. С. 375.
- [48\)](#) Haas. Op. cit. S. 237.
- [49\)](#) Buck. Op. cit. P. 100, 149 f.
- [50\)](#) Neumann. Op. cit. S. 10.
- [51\)](#) Ibid. S. 7.
- [52\)](#) Ibid. S. 12.
- [53\)](#) Ibid. S. 11 f.
- [54\)](#) Haas. Op. cit S. 237 f.
- [55\)](#) Neumann. Op. cit. S. 13.
- [56\)](#) Ibid. S. 16.
- [57\)](#) Дьяконов. Ук. соч. С. 375.

[58\)](#) Там же. С. 376.

[59\)](#) Иванов Вяч. Вс. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981. С. 53.

[60\)](#) Neumann. Op. cit. S. 9.

[61\)](#) Гиндин. К вопросу... С. 157; Гиндин, Цымбурский. Отражение индоевропейских лабиовелярных... С. 52.

[62\)](#) Georgiev VI.I. L'ethnogénèse de la péninsule Balkanique d'après les données linguistiques // L'ethnogénèse des peuples balkaniques. Sofia, 1971. P. 187.

[63\)](#) Haas. Op. cit. S. 238; Neumann. Op. cit. S. 23.

[64\)](#) Haas. Op. cit. S. 9.

[65\)](#) Bittel K. Die archäologische Situation in Kleinasien um 1200 v. Chr. und während der nachfolgenden vier Jahrhunderte // Griechenland, die Ägäis und die Levante während der Dark Ages. Wien, 1983. S. 38; Neuman. Op. cit. S 16.

[66\)](#) Mellink M.J. Mita, Mushki and Phrygians // JKF. 1956. Bd II. Th 1-2. S. 324.

[67\)](#) Dressler W. Rcz.: Haas O. Die phrygischen Sprachdenkmäler // Die Sprache. 1968. Bd 14. Ht 1. S. 40; Дьяконов. Ук соч. С. 365.

[68\)](#) Hammond N.G.L. A History of Macedonia. V. I. Oxf., 1972.

[69\)](#) Гиндин. Древнейшая ономастика... С. 66 сл.

[70\)](#) Ruge W. Phrygia 1. Topographie // RE. Hlbd 39. 1941. S. 801 f.

[71\)](#) Neumann. Op. cit. S. 16.

[72\)](#) Brixhe, Lejeune. Op. cit. P. 6; Haas. Op. cit. S. 187.

[73\)](#) Neumann. Op. cit. S. 9.

[74\)](#) Hammond. Op. cit. P. 412.

[75](#)) Kretschmer. Op. cit. S. 193; Гиндин. Древнейшая ономастика... С. 166.

[76](#)) Gusmani R. Lydisches Wörterbuch. Heidelberg, 1964. S. 70.

[77](#)) Баюн, Орел. Ук. соч. I. С. 195.

[78](#)) Подробнее см. Гиндин, Цымбурский. Прагреки в Трое... С. 34 сл.

[79](#)) Solta G.R. Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. Wien, 1960. S. 642. f, 474 f, 477 f.

[80](#)) Порциг В. Членение индоевропейской языковой области / Пер. с нем. М., 1964. С. 230 сл.

[81](#)) Kammenhuber A. Die Sprache des vorhellenistischen Kleinasien in ihrer Bedeutung für die heutige Indogermanistik // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 1968. Bd 24. S. 84; Дьяконов. Ук. соч. С. 373; ср.: Markwart J. Die Entstehung und Wiederherstellung der armenischen Nation. Schöneberg, 1919; Туманян Э.Г. Структура индоевропейских имен в армянском языке. М, 1979. С. 261 (с гипотезой о проживании праармян в самой Фессалии).

[82](#)) Из-за ограниченности объема статьи отсылаем к работам, подробно излагающим данную гипотезу: Gindin L.A. Keteioi (= Hittites) and Paiones (≈ Proto-Armenians) — Allies of Troy // Orpheus. 1990. P. 69-71; он же. Население... С. 82 сл.

[83](#)) Forrer E. Hajasa-Azzi // Caucasia. 1931. Bd 9. S. 15; Neumann G. Untersuchungen zum Weiterleben hithitischen und luwischen Sprachgutes in hellenistischer und römischer Zeit Wiesbaden, 1961. S. 51; иначе: Гиндин. Древнейшая ономастика... С. 137.

[84](#)) Гиндин. Древнейшая ономастика... С. 133 сл.; Гиндин, Цымбурский. Гомер... Гл. V.

[85](#)) Durnford S.P. Luwian Linguistics: Some Etymological Suggestions // RHA. 1975. V. 33. P. 52; Иванов Вяч.Вс. Древние культурные и языковые связи южнобалканского, Эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов // Балканский лингвистический сборник. М., 1977. С. 14.

[86\)](#) Гиндин. Население... С. 68 сл.; Гиндин, Цымбурский. Гомер... Гл. VI с опорой на выводы К. Уоткинса.

[87\)](#) В дополнение к тому, что нами написано о греческих параллелях к названию Илиона в статье "[Прагреки в Трое](#)", здесь мы должны заметить следующее. Форма ἰλυ-στράοια "ползти извиваясь" определенно обнаруживает наличие в раннегреческом лексемы *uīlu-s "извилистый" с основой, идентичной той, которая представлена в названиях троянской Илейской долины, а может быть и в обозначении самой Вилусы. С другой стороны, если видеть отражение древнейшей формы последнего топонима в хет. *Wilušja* откуда *Wiluša* могло возникнуть в результате палатализации спиранта, открывается оригинальная возможность предположить в хеттской записи фиксацию вариантной прагреческой формы: а именно *uīlusīə как перфектного причастия от ἰλλω < *uīliō "крутить", формально аналогичного греч. ἰδυία < *uidusīə "ведающая", др.-инд. viduši (см. *Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание. М., 1980. С. 333). При толковании названия Илиона-Вилусы как "закрученного" города надо принимать в расчет планировку Трои VI в виде серии террас, обвивающих холм.

[88\)](#) Гиндин, Цымбурский. Гомер... Гл. V.

[89\)](#) Ср. карты-схемы № 1-3 в книге: *Гиндин.* Население... С. 206-209.

[90\)](#) *Detschew.* Op. cit. S. 280 f.

[91\)](#) Georgiev VI. Zur altkleinasiatischen Hydronymie // BNF. 1957. Jg. 8. S. 157; Гиндин. Население... С. 117 сл.

[92\)](#) Ср.: Frisk. Op. cit. S. 757; Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. T. II. P., 1970. P. 481; Pokorny. Op. cit. S. 595.

[93\)](#) Гиндин. Население... Гл. II.

[94\)](#) Гиндин. Древнейшая ономастика... С. 165 сл.; он же. Население... С. 14 сл. с признанием Трои фракийской во II тыс. до н.э.; ср.: Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991. С. 84, 24 - карта; Гиндин, Цымбурский. Гомер... Гл. V.

[95\)](#) *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd I. Heidelberg, 1956. S. 527; *Pokorny.* Op. cit. S. 1085.

[96\)](#) *Pokorny.* Op. cit. S. 1080, 1084.

[97\)](#) *Pape W., Bensele G.* Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Bd II. Graz, 1959. S. 1513; *Mayer A.* Die Sprache der alten Illyrien. Bd I. Wien, 1957. S. 335.

[98\)](#) *Pokorny.* Op. cit. S. 1084; *Mayer.* Die Sprache...

[99\)](#) *Гиндин.* Древнейшая ономастика... С. 65.

[100\)](#) Об этом эпизоде рубежа XIV—XIII вв. до н.э. см.: Гиндин, Цымбурский. Гомер... Гл. III.